

ПЕПЕЛ

18+

Марианна Рэй

Пепел

«Автор»

2026

Рэй М.

Пепел / М. Рэй — «Автор», 2026

Шестнадцать лет назад в одну ночь её жизнь была разломана. Пять молодых людей, среди них и её любимый — выбрали издевательство и насилие вместо человечности. Выбрали карьеру и деньги вместо справедливости. Выбрали молчание вместо правды. Она пережила боль и страдания. Она пережила саму себя. И теперь она вернулась. Методично, без спешки, героиня начинает охоту. Финансовый крах. Медийный скандал. Судебное преследование. Признание и раскаяние. С каждым днём она разрушает их жизни точно так же, как они разрушили её. Но когда месть завершена, она понимает ужасную правду — страдание её врагов не облегчило её боль. Мечь живёт дольше боли. И когда это кончается, остаётся только пепел.

© Рэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава1. День 1	6
Глава2. День 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пепел

Пролог

Кап-кап-кап... Холодные капли монотонно падали на её лицо, она внезапно очнулась и тут же согнулась пополам от резкой безумной боли. Её начало тошнить, и страдания стали невыносимы. Оживший мозг раскалённой иглой пронзила боль гораздо более сильная, чем физическая. Любимый предал её, унизил, растоптал всё её существо, всю её жизнь. Услужливая память подсовывала яркие картинки её истязаний и мучений — не полностью, а кусками: вот мутные глаза её первого насильника, второго, пятого. Вот жгучие окурки на её нежном теле, острие ножа, рассекающего плоть, осколки битого стекла, больно впивающиеся в кожу, и кровь, кровь, кровь везде, куда можно было бросить взгляд. И снова — насилие и унижение, жестокое избиение, потом повтор, ещё и ещё. Изверги никак не могли остановиться, казалось, что её истерзанное и окровавленное тело всё больше возбуждает их.

Лана застонала, но только слабый хрип выбился из её онемевшего от криков горла. Она осознала, что лежит на земле среди опавших листьев, на ней беспорядочно набросаны ветки и где-то шумит мелкий осенний дождь. Капли проникали сквозь ветки и жалили её опухшее лицо холодными серыми каплями. Они помогли ей очнуться, но пробуждение было страшным: тело сводило судорогой холода и отчаянной муки. Мозг взрывался эмоциями, вновь переживая ужасы прошедшей ночи. Лана пыталась подчинить себе разум. Мысли рождались редкими всполохами, одна из них была чёткая и неизбежная. Сформировавшаяся где-то внутри её сознания, мысль эта постепенно заполняла собой всё тело, от макушки до пяток, — её бросили тут умирать, использованную и опустошённую, как разбитую ненужную куклу, как бродячую собаку, сбитую машиной, и она действительно скоро умрёт. Постепенно смиряясь с этой уютной мыслью, которая несла избавление от боли и страданий, Лана погружалась в небытие, из которого не было возврата.

Её закрывающиеся глаза на секунду заметили движение сквозь просвет веток. Серая тень показалась похожей на птицу с перебитыми крыльями.

Неожиданно её угасающий слух уловил какой-то шорох рядом, и тихий голос, почти шёпот, с каким-то всхлипом прошелестел:

— Эх, девка, да кто ж тебя так...

Хотя, возможно, ей это только показалось и было игрой тлеющего сознания. Последней искрой, связывающей её с этим миром.

Глава 1. День 1

Станислав Морозов, успешный бизнесмен, мерил шагами роскошный кабинет, обставленный с тем расчётливым вкусом, который призван не создавать уют, а свидетельствовать: хозяин ворочает огромными деньгами.

Кабинет на пятидесятом этаже он отделял лично. Мебель из морёного дуба с бронзовыми ручками; стены обиты тёмно-серым шёлком, на котором не видно пыли и пятен. На полу — ковёр ручной работы из Афганистана, но такой тёмный, что казался почти чёрным. Даже солнечные лучи, проникавшие сквозь гигантское окно, не могли оживить это пространство — оно словно высасывало свет. В углу стоял бар с редкими сортами вин и коньяка, но сам хозяин предпочитал пить в одиночестве, не приглашая сюда никого. Слишком много секретов хранил этот кабинет, чтобы пускать в него посторонних. Панорамное окно во всю стену — единственная деталь, которую он заказал, не торгуясь, — демонстрировало Город, распластанный внизу, как карта завоеваний. Каждый небоскрёб принадлежал кому-то другому. Этот — ему.

Сорок семь лет. Выглядит на сорок. Спортивная стрижка, загар из солярия, мышцы, которые он качает трижды в неделю. Лицо человека, привыкшего побеждать. Высокий, крепкий, с квадратным подбородком. Упрямый до безумия. Карие глаза безжалостны — ничего человеческого, один расчёт. Длинный шрам рассекает правую щёку, проходит через бровь к уголку губ, делая улыбку асимметричной. Шрам старый, ещё с молодости, когда он знал, что такое проигрывать, и был наказан за временную слабость росчерком ножа. На его ладной фигуре красовался сшитый в Милане костюм цвета стали, белоснежная рубашка с запонками из чёрного жемчуга и галстук, завязанный идеальным виндзорским узлом.

Обычно спокойный и сдержанный, Станислав был раздражён. Внутри кололо, царапало нечто неопределённое, туманное. Звериным чутьём опытного стратега он ощущал: вокруг него что-то происходит. Но мысль — что именно, как и почему — не формировалась.

Он вновь и вновь перебирал текущие события. Мозг, как компьютер, просеивал сделки, агентов, контрагентов, выискивая уязвимость. За последнюю неделю случилось несколько неприятных событий: сорвались два выгодных контракта, в которых он был уверен на сто процентов. Постоянный партнёр из Африки внезапно переметнулся к конкурентам, пробормотав в оправдание нечто невнятное. В Дубае перестал выходить на связь агент, собиравший предварительную информацию о трёх выгодных проектах. Конечно, в делах случаются неудачи, но для одной недели многовато — и не теперь, когда Станислав на высоте могущества.

«Так, надо успокоиться, — думал он. — Я становлюсь параноиком. Нужно выдохнуть. В конце концов, ничего непоправимого не произошло. Наверстаем упущенное». Но покалывание не проходило.

Бизнесмен опустился в любимое кресло и позвонил. Текущие дела никто не отменял. Разговор шёл на английском. Спокойно.

— Я не заинтересован в дополнительных условиях. Сделка одна. Либо вы согласны, либо я иду к конкурентам.

Пауза. Он слушает и улыбается — той самой асимметричной улыбкой.

— Завтра я ожидаю документы. До восьми вечера.

Звонок завершён. Разговор прошёл, как он спланировал. Станислав вновь ощущает, как его наполняет уверенность. На столе — ноутбук, кофе в чашке из белого эксклюзивного фарфора, три папки с документами. Позади, на стене, — абстрактная картина. Дорогая. Купленная не потому, что нравится, а потому что за год подорожала на двадцать процентов.

В кабинет бесшумно скользнул помощник — молодой, спортивного телосложения, одетый в дорогой брендовый костюм — расторопен, смышлён, амбициозен. Это вполне устраивало Станислава. Девушек-секретарш Станислав не признавал: ничто не должно отвлекать биз-

несмена от работы, особенно смазливые девчонки. На длинные ноги, высокую грудь и милую мордашку он посмотрит в другом месте и в другое время.

— Станислав Сергеевич, вам звонит ваша жена. Говорит, срочно.

Морозов не отрывает взгляда от монитора, где мелькают биржевые новости.

— Скажи, что я позвоню вечером.

— Она просила передать: вашей дочери пришло письмо с перечнем документов для поступления в Оксфорд.

Морозов наконец поднимает глаза. Взгляд — ледяной осколок.

— Скажи, что я перезвоню.

Помощник краснеет и прикусывает нижнюю губу. Поворачивается к двери, но Морозов останавливает его:

— погоди. Мне нужна информация о Дмитриевиче. Банковские операции за последние три месяца.

— Станислав Сергеевич, это... конфиденциально.

— Я знаю, что это конфиденциально. — Голос Морозова холоден. — Я плачу тебе за то, чтобы ты узнавал конфиденциальное. Есть способы?

Помощник быстро проговорил:

— Есть знакомый. Но это будет дорого стоить.

— Разве я спрашивал о цене? Мне нужна информация.

— Завтра к полудню.

— Сегодня в восемь вечера.

Помощник кивает и моментально исчезает за закрытой дверью. Морозов снова наклоняется к ноутбуку, но почти сразу отодвигает его, встаёт, подходит к окну. Смотрит вниз. Что-то скрытое, тёмное, не имеющее чётких форм, беспокоит его, и это раздражает.

Где-то внизу живут люди, которые его боятся, ненавидят и страстно желают всадить нож в спину при первой возможности. Люди, которых он предал, обманул, разорил, использовал как ступени для подъёма.

Ему было немногим за двадцать, когда он впервые предал друга: через подставную фирму скупил активы его компании и за бесценок стал полноправным владельцем. Друг запил, сгинул в неизвестности. Что стало с ним потом, Станислава не волновало никогда.

Он даже не помнил его имени.

Около тридцати он начал вымогать у поставщиков, с удовольствием используя все формы давления — подкуп, шантаж, прямые угрозы. К тридцати пяти — брал у конкурентов отступные, порой весьма внушительные, чтобы не вытеснить их с рынка.

В сорок случилась первая крупная сделка, требовавшая полного молчания свидетелей. Он нашёл полицейского. Сделка состоялась.

Ему скоро пятьдесят. Он стоит на пятидесятом этаже, в кабинете, пахнущем дорогим деревом, смотрит на город и знает: ему всё сойдёт с рук. Всё будет так, как он решит. Закон написан для бедных. Для него закона нет. Он купит себе закон.

Станислав улыбается той же асимметричной, безжалостной улыбкой.

В тишине раздаётся звонок. Номер неизвестный.

Бизнесмен хмурится, этот звонок прерывает его приятные мысли, но тревога вспыхивает в груди, и он рывкает в трубку:

— Морозов. Слушаю.

На другом конце — женский голос с едва уловимым иностранным акцентом. Спокойный, без эмоций.

— Станислав Сергеевич? Говорит Жанна. Представляю один европейский инвестиционный фонд. До нас дошли слухи о ваших успехах — греческие друзья рекомендовали вас как успешного и надёжного партнёра.

Морозов расслабляется. Греки — предприимчивые люди, они охотно рекомендовали его компанию. Ещё одно деловое предложение, третье за сегодня. Это уравнивает его потери. Он снова улыбается, каждой клеточкой мускулистого тела ощущая уверенность.

— Дорогая моя, я не разговариваю с анонимными голосами, — Морозов откинулся в кресле, не скрывая усмешки. — Если у вас есть предложение, изложите его в письме. Моя секретарша, так уж и быть, прочитает.

— О, я бы предпочла личную встречу. В конце концов, речь пойдёт о деньгах. Очень больших деньгах. А вы, насколько я знаю, умеете их считать.

Что-то в её тоне — металл, отсутствие эмоций — обдаёт жаром. Морозов настораживается.

— Считать я умею. А вот доверять — нет. Как вас зовут на самом деле?

Пауза. Долгая.

— Это не важно. Важно, что я знаю о вас всё. О вашем первом разорении. О том, как вы купили компанию Михайлова за бесценок через подставную фирму. О том, как вы обманули своего будущего тестя и практически купили себе жену, а заодно забрали его фирму. О том, как стали директором благотворительного фонда для пенсионеров и наживались на стариках, пока не запахло разоблачением. О том, как...

Морозов прижимает телефон к уху.

— Кто вы?

— Тот, кто помнит всё, — отвечает она и кладет трубку.

Морозов стоит неподвижно. Телефон всё ещё у уха. Лицо не изменилось, но глаза — те холодные карие глаза — полыхнули огнём.

Он позвонил помощнику:

— Пробей этот номер. Найди эту женщину. Собери максимум информации.

— Сделаю, Станислав Сергеевич.

Морозов кладёт трубку. Возвращается к окну. Смотрит вниз. На этот раз выражение его лица иное. Это не уверенность. Это холодный, липкий страх, змеей ползущий по его спине.

Он не любил чувствовать страх.

Он избегал людей и ситуаций, которые могли его вызвать.

И уж точно не любил людей, которые о нём знали.

В это же время, в другой части города, в маленьком кафе без названия, женщина смотрела на экран ноутбука. На экране — трек звонка, запись голоса. Она слышала его дыхание, напряжение, лёгкую запинку. В его интонации мелькнул оттенок страха.

Она улыбается. Первый укус сделан.

На столе перед ней — папка. Внутри — фотографии Морозова, документы его компании, данные о рождении, родителях, близких родственниках, адреса счетов, имена, адреса и фотографии любовниц, врагов, ближайшего окружения.

Она открывает вторую папку. В ней пять имён.

Внизу маркером: «ОСТАНОВИТЕСЬ НА ЧЕТЫРЁХ. ПОСЛЕДНИЙ — ЛИЧНЫЙ».

Она закрывает папку и пьёт холодный кофе.

У неё есть время. Теперь у неё много времени.

Глава 2. День 2

Морозов спал тревожно. Ему приснился сон: он стоит на вершине своего небоскрёба, но вдруг замечает, что здание начинает таять, как свеча. Стёкла текут вниз огненными реками, а из окон высовываются руки тех самых людей, которых он разорил. Они тянутся к нему, пытаются схватить за ноги. Он слышит смех — тот самый холодный голос, который он слышал в трубке телефона, теперь смеётся. Проснувшись в холодном поту, он бросился к окну: небоскрёб стоял на месте, но на горизонте, над парком, висела странная туча, похожая на женский профиль.

Он вернулся к холодным простыням своей кровати и пытался собрать осколки разбитой ночи. Ему нужен полноценный сон, чтобы утром быть полным сил и энергии. Но это уже невозможно. Жена давно не согревала его постель. Уже года четыре они не спали вместе.

Ночной звонок вспышкой высветил воспоминания, которые он хотел похоронить. Он действительно обманул тестя. Через подставных лиц довёл того до разорения, а в нужный момент намекнул на «уникальное партнёрство», по которому за символическую сумму выкупал акции небольшой, но перспективной компании его дочери. Соглашение предусматривало и личное участие «одного из членов семьи» в управлении компанией — иначе сделка автоматически аннулировалась. Это условие молодой бизнесмен сумел вписать в контракт мелким шрифтом, юридически замысловатыми формулировками.

После подписания стало ясно: управлять фирмой может только сама дочь старого бизнесмена. А Stanislaw, пользуясь положением, расставил ловушки и создал обстоятельства, при которых единственным выходом для девушки было выйти за него замуж: это надёжно укрепит новое партнёрство, спасёт отца от разорения и позволит семье сохранить лицо. Ему был нужен крепкий тыл. Дочка старого бизнесмена соответствовала стандартам идеальной жены бизнесмена. Она была скромна и не любопытна.

Перед смертью старик понял, что Морозов — обманщик. Это доконало его. Он тихо умер, ничего не успев никому рассказать.

Телефон мягко светился в темноте. Три пропущенных звонка от помощника. Морозов не ответил: он был уверен, что тот нашёл информацию об этой Жанне, но слушать был не готов.

Страх делал его слабым. Это раздражало.

Звонок. Четвёртый за ночь.

— Да, — коротко бросил Морозов.

— Stanislaw Сергеевич, я нашёл. — Голос помощника дрожал. — Но это странно. Очень странно.

— Говори.

— Номер без регистрации, анонимный. Переброска через четыре иностранных сервера. Банк отследить невозможно. Адрес тоже. Никаких родственников, друзей, места работы. Это профессионал. Как... спецслужбы.

Морозов сел в постели.

— Спецслужбы? — он потёр небритый подбородок. — Сомнительно. Может, это Дмитриевич мне угрожает?

— Возможно. Но, Stanislaw Сергеевич... — Помощник помедлил. — Я нашёл кое-что ещё. Я проверил банки, куда вы отправляли деньги в последний месяц. В шанхайском банке началась внезапная проверка. Сегодня ночью. Инициирована международным управлением по борьбе с экономическими преступлениями.

Морозов встал, прошёлся по спальне.

— Совпадение.

— Может быть. Но счёт, куда вы вывели тридцать миллионов в четверг, получил статус «заморожен до выяснения».

Тишина.

— До выяснения чего? — ледяной голос Морозова.

— На счёте отметили «сомнительные операции». Станислав Сергеевич, это идёт прямо в прокуратуру.

Морозов положил трубку.

Он трижды прошёлся по спальне. Мозг работал как компьютер — быстро, холодно, перебирая варианты. Тридцать миллионов можно потерять: это не его деньги, а часть сделки с Дмитриевичем. Но если шанхайский банк начнёт раскапывать... найдут больше. Намного больше.

Нужно вывести оставшиеся семьсот миллионов. Сегодня. До восьми вечера.

Он позвонил банкиру:

— Морозов. Срочная транзакция семисот миллионов из шанхайского банка на Каймановы острова.

— Станислав Сергеевич, это невозможно за один день. Такой объём требует...

— Мне плевать, что требует. Либо это делаешь ты, либо я беру другого банкира.

Пауза.

— Я позвоню в Шанхай. Может быть, к полуночи.

— К восьми вечера.

Морозов бросил трубку и посмотрел на часы. Пять утра. До восьми вечера — пятнадцать часов.

В офис он приехал к восьми утра. Коридоры гудели. Сотрудники сбивались в группки, девушки из финансового отдела бегали с папками. Морозов прошёл мимо, не глядя, закрылся в кабинете.

У стола ждал помощник — бледный, с поджатыми губами, явно на взводе.

— Станислав Сергеевич...

Морозов поднял руку:

— Быстро.

— Час назад вышла статья в «Деловом мире». Про компанию. Про финансовые махинации. Про вывод денег в офшоры. Про госконтракты через подкуп.

— Источник?

— Неизвестен. Статья пришла редактору анонимно. С документами. Подлинными. Станислав Сергеевич... это документы, которые хранились у вас в сейфе. Я проверил: некоторые папки пропали.

Морозов подошёл к окну. Город внизу был тем же, но уже выглядел иначе. Враждебно.

— Позвони в «Деловой мир». Скажи главному редактору, что я затаскаю его по судам.

— Они готовы. У них адвокаты. Говорят, документы подлинные и...

— И?

— И завтра выпустят расширенную версию. С интервью.

— С кем?

Помощник опустил взгляд на планшет:

— С Анной Петровой. С Дмитрием Лысенко. С Виктором Туровым. Ваши бывшие начальники отделов.

Морозов знал, что последует. Петрова уходила три года назад, хлопнув дверью. Потом лечилась в клинике неврозов. Лысенко пять лет назад сбежал в Чехию. Туров два года назад открыл конкурирующую компанию.

Все против него.

— Позвони Турову. Скажи, я заплачу ему четыре миллиона, если он отзовёт интервью.

Помощник открыл рот, но в кабинет уже входила жена. Ларисе Морозовой было сорок пять. Блёклая, невзрачная, не слишком умная, но с ледяным достоинством, которое даётся только годами несчастливого брака.

В руке — планшет.

— Я только что видела статью, — сказала она с убийственным спокойствием.

— Я в курсе.

— Мой брат звонил. Его друг в прокуратуре говорит: на тебя уже открывают дело.

Морозов посмотрел на неё. За всё время брака она никогда не вмешивалась в его дела. Никогда.

— Лариса, мне нужно работать.

— Я знаю. Но дети должны понимать, что происходит. Особенно если тебя осудят.

— Меня никто не будет судить. — Морозов сорвался на крик. — Шумиха уляжется через неделю, и я потребую компенсацию.

Его кулак стучал по столу. Да, именно так, он потребует компенсацию.

Жена посмотрела на него так, как не смотрела ни разу в их совместной жизни. В этом взгляде не было ни страха, ни любви — только понимание, что она вышла замуж за человека, который рано или поздно упадёт и сломает себе шею.

Она молча вышла.

К полудню акции компании упали на двадцать процентов.

К часу дня главный инвестор потребовал срочной встречи.

К трём часам интернет кипел видеоинтервью с уволенными сотрудниками. Они рассказывали о жестокости руководителя, его вспышках ярости, ненормированном дне, увольнениях без законных оснований, угрозах и оскорблениях, задержках зарплаты.

К пяти часам банкир сообщил: шанхайский банк не может провести транзакцию — счёт заблокирован по распоряжению следствия.

К семи Морозов сидел в тёмном кабинете (свет он выключил), а телефон вибрировал каждые тридцать секунд. Партнёры, адвокаты, банки, медиа, знакомые, незнакомые.

Он не отвечал.

Он смотрел на город внизу, на огни, на всё, что построил, и понимал: всё кончается.

Не через неделю. Через день.

В наступившей вдруг тишине резко и тревожно зазвонил второй телефон, который бизнесмен использовал только для общения с любовницами. Неизвестный номер. Он обречённо ответил и услышал тот самый ледяной женский голос — вестник всех его несчастий.

— Привет, Станислав Сергеевич, — пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.